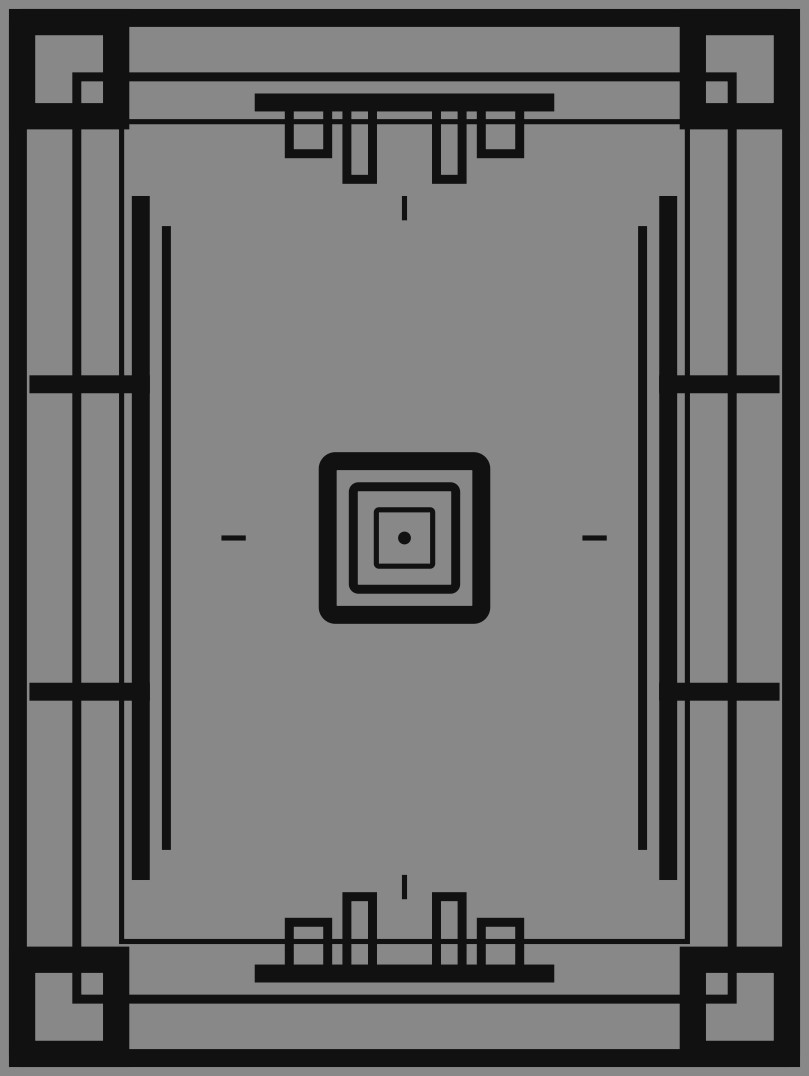

«Золотая подкова»
Дэшил Хэммет

Дэшил Хэммет. «Золотая подкова»

Дэшил Хэммет
«Золотая подкова»

— На этот раз у меня для тебя ничего интересного, — сообщил Вэнс Ричмонд после того, как мы обменялись рукопожатием. — Я хочу, чтобы ты отыскал одного человека… не преступника.

Он произнес это извиняющимся тоном. Последние два задания, порученные мне этим сухощавым адвокатом с серым лицом, были связаны со стрельбой и прочими эксцессами, поэтому он, вероятно, решил, что при более спокойной работе я умру со скуки. В свое время он мог оказаться прав — когда я был двадцатилетним молокососом, только что принятым на работу в Континентальное детективное агентство. Но прошедшие с того момента пятнадцать лет притупили мою жажду острых ощущений.

— Человек, которого надо разыскать, — продолжал адвокат после того, как мы присели, — английский архитектор по фамилии Эшкрафт, Норман Эшкрафт. Ему тридцать семь лет, рост метр семьдесят восемь, телосложения крепкого, блондин, светлая кожа, голубые глаза. Четыре

года назад он представлял собой типичный образчик светловолосого британца. Возможно, теперь он изменился… эти четыре года были трудными для него.

Вот что случилось. Четыре года назад супруги Эшкрафт проживали в Англии, в Бристоле. Похоже, миссис Эшкрафт была ревнива, а муж ее довольно вспыльчив. Кроме того, он владел только тем, что сумел заработать, она же унаследовала от родителей солидный капитал. Эшкрафт был болезненно чувствителен к этому, из кожи вон лез, чтобы показать, что ее деньги его не интересуют, не имеют для него никакого значения.

Разумеется, это не слишком умно, но весьма типично, для человека с таким характером. В один прекрасный день жена упрекнула его в том, что он уделяет слишком много внимания другой женщине. Они поссорились, Эшкрафт собрал манатки и уехал.

Спустя неделю жена пожалела о своих словах — особенно когда обнаружила, что для них не было иного основания, кроме ее собственной ревности, — и попыталась разыскать мужа. Однако он исчез без следа. В конце концов, ей удалось выяснить, что из Бристоля он отправился в Нью-Йорк, а затем в Детройт, где его арестовали во

время пьяного скандала и приговорили к штрафу за нарушение общественного порядка. Потом он исчез из поля зрения, а спустя десять месяцев объявился уже в Сиэтле. — Адвокат порылся в бумагах, лежавших на столе, и нашел нужный лист. — Двадцать третьего мая тысяча девятьсот двадцать третьего года он застрелил взломщика в тамошней гостинице. Местная полиция усмотрела в этом происшествии некоторые неясности, но никаких улик против Эшкрафта не было: человек, которого он убил, действительно был взломщиком. После этого Эшкрафт снова исчез, и о нем не было ни слуху, ни духу. Он дал о себе знать только год назад. Миссис Эшкрафт помещала соответствующие объявления в газетах всех крупных городов Соединенных Штатов. Однажды она получила письмо из Сан-Франциско. Оно было очень официальным и содержало просьбу прекратить публикацию объявлений. Он также писал, что, хотя больше не пользуется именем Норман Эшкрафт, ему все же неприятно встречать его чуть ли не в каждой газете, которую он читает.

Жена отправила ему письмо до востребования сюда, в Сан-Франциско, и поместила еще одно объявление, чтобы известить его об этом. В ответ

она получила довольно сухое письмо. Тогда она вновь написала, прося его вернуться домой. Он отказался, хотя и в менее резкой форме.

Таким образом, они обменялись несколькими письмами, благодаря чему миссис Эшкрафт узнала, что ее муж стал наркоманом и остатки гордости не позволяют ему вернуться, пока он вновь не обретет, хотя бы приблизительно, прежнего статуса. Она убедила его принять от нее деньги для облегчения этого процесса. С тех пор миссис Эшкрафт ежемесячно высылает до востребования определенную сумму в местное почтовое отделение.

Между тем она ликвидировала все свои дела в Англии — близких родственников у нее нет — и переехала в Сан-Франциско, чтобы быть поблизости, когда муж будет готов вновь с ней соединиться. Прошел год. Она по-прежнему каждый месяц отправляет мужу деньги и все еще надеется на его возвращение. Он же упорно отказывается от встречи и посылает ей уклончивые письма, наполненные описаниями душевной борьбы, которую он с переменным успехом ведет, чтобы бросить наконец наркотики.

Разумеется, в настоящее время миссис Эшкрафт подозревает, что муж вовсе не собирается

к ней возвращаться, а просто рассматривает ее как источник дохода. Я пытался уговорить ее воздержаться от денежных переводов, но она и слышать об этом не хочет, виня себя во всем случившемся с ним. Она считает себя ответственной за нынешнее состояние мужа, которого она довела до этого глупой вспышкой ревности. Она не собирается ничего предпринимать из опасения причинить ему еще больший вред и проявляет в этом несокрушимое упорство. Ей хочется вернуть его, хочется, чтобы он бросил дурную привычку, но она готова высылать ему деньги до конца жизни даже если он к ней не вернется. И все же она хотела бы знать, на что может рассчитывать и чего следует ожидать, чтобы покончить наконец с дьявольской неуверенностью, в которой ей приходится пребывать.

Итак, мы хотим, чтобы ты нашел Эшкрафта. Мы хотим знать, есть ли хоть малейший шанс, что он снова станет человеком, или с ним покончено. Таково твое задание. Разыщи его, узнай о нем все, что только сможешь, и тогда мы посмотрим и решим, стоит ли им встречаться есть сможет она как-то повлиять на него или нет.

— Попытаюсь, — сказал я. — Когда миссис Эшкрафт высылает ему ежемесячный перевод?

— Первого числа.

— Сегодня двадцать восьмое. Таким образом, у меня три дня, чтобы развязаться с делом, которым я сейчас занимаюсь. У тебя есть его фото?

— К сожалению, нет. Миссис Эшкрафт в минуту гнева уничтожила все, что напоминало ей о нем.

Я встал и взял шляпу.

— Увидимся второго, — сказал я и вышел.

Первого числа днем я отправился на почту и разыскал Ласка, работавшего тогда инспектором отдела корреспонденции, высылаемой до востребования.

— Мне тут дали знать об одном жулике, — обратился я к нему, — который будто бы получает корреспонденцию в одном из окошечек. Ты бы не мог стукнуть мне, что это за парень?

Почтовые инспекторы связаны по рукам и ногам разными инструкциями и предписаниями, запрещающими им оказывать помощь частным детективам за исключением некоторых уголовных дел. Но если инспектор — твой приятель, то вовсе не обязательно вдаваться в подробности; ты ему врешь, чтобы на всякий случай обезопасить его, а уж верит он или нет, значения не имеет.

Вскоре я снова спустился вниз и принялся расхаживать туда-сюда, держа в поле зрения

окошечки от А до Д. Почтовый служащий, обслуживающий их, был предупрежден, что должен подать мне знак, когда кто-нибудь спросит корреспонденцию для Эшкрафта. Письмо миссис Эшкрафт могло и не успеть дойти, но я не хотел рисковать. Я находился на посту до самого закрытия почты.

На другой день, в начале одиннадцатого, служащий подал мне знак. Низкорослый мужчина в синем костюме и мягкой серой шляпе только что отошел от окошка с конвертом в руках.

Лицо у него было землистое, он тяжело шаркал ногами, а его одежда явно нуждалась в щетке и утюге.

Он подошел прямо к конторке, возле которой я стоял, бесцельно перебирая разные бумажки, и вытащил из кармана большой конверт; я успел заметить, что на конверте наклеена марка и надписан какой-то адрес. Держа конверт надписанной стороной к себе, он вложил в него полученное в окошке письмо, затем лизнул край конверта. После этого он тщательно заклеил конверт и направился к почтовым ящикам. Мне ничего не оставалось, как прибегнуть к испытанному и надежному приему: догнав, я приблизился к нему и сделал вид, что поскольз-

нулся на мраморном полу, ухватившись за него якобы для равновесия. Получилось это у меня неудачно — на полпути к незнакомцу я поскользнулся по-настоящему, и мы оба рухнули на пол, сцепившись, как два борца.

Я быстро вскочил, поднял его, бормоча извинения, и почти оттолкнул в сторону, чтобы поднять письмо, лежавшее на полу надписанной стороной вниз. Подавая ему конверт, я будто ненароком перевернул его и прочитал адрес: «Мистеру Эдуарду Бохэннону, кафе «Золотая подкова», Тихуана, Байя, Мексика».

Итак, я достиг своей цели, но выдал себя: вне всяких сомнений, человечек в синем костюме прекрасно понял, что меня интересовал именно адрес.

Пока он опускал письмо в почтовый ящик, я отряхнулся. На обратном пути незнакомец прошел не мимо меня, а направился к выходу на Мишн-стрит. Я не мог допустить, чтобы он ускользнул со всей имеющейся у него информацией. И не хотел, чтобы он предупредил Эшкрафта, прежде чем я до него доберусь. Пришлось прибегнуть к другому приему, столь же древнему, как и предыдущий. Я двинулся следом за человечком.

Когда я поравнялся с ним, он как раз повернул голову, чтобы проверить, не следят ли за ним.

— Привет, Микки! — обратился я к нему. — Что слышно в Чикаго?

— Вы меня с кем-то спутали, — холодно проронил он. — Я никогда не был в Чикаго.

У него были светло-голубые глаза со зрачками как кончики иголки — глаза человека, употребляющего морфий или героин.

— Не валяй дурака, — возразил я. — Сегодня утром ты сошел с поезда.

Он остановился посредине тротуара и повернулся лицом ко мне:

— Я? За кого вы меня принимаете?

— Ты — Микки Паркер. Голландец дал знать, что ты едешь сюда.

— Вы с ума сошли! — возмутился он. — Я понятия не имею, о чем вы говорите!

Я и сам не имел понятия, но это неважно. Слегка приподняв ладонь в кармане плаща, я наставил ее на него.

— Сейчас узнаешь! — заорал я.

Он невольно отпрянул при виде моего вытянувшегося кармана.

— Послушайте, приятель, — умоляюще воскликнул он, — вы меня с кем-то спутали, честное

слово! Меня зовут не Микки Паркер, и я уже год как живу во Фриско.

— Докажи, что это правда.

— Охотно, — горячо отозвался он. — Можете пройтись со мной, и я вам докажу. Меня зовут Райен, я живу неподалеку отсюда, за углом, на Шестой улице.

— Райен? — переспросил я.

— Да… Джон Райен.

Это было очко не в его пользу. Думаю, во всей стране не нашлось бы трех воров старой школы, которые хоть раз не воспользовались этой фамилией. В воровском мире она все равно, что Джон Смит.

Тем временем мой Джон Райен привел меня к дому на Шестой улице, где хозяйка — пятидесятилетняя бабища с голыми волосатыми мускулистыми, как у деревенского кузнеца, ручищами — заверила меня, что ее жилец пребывает в Сан-Франциско уже много месяцев и что она встречает его по меньшей мере раз в день в течение последних недель. Если б я и впрямь подозревал, что Райен — мифический Микки Паркер из Чикаго, я не поверил бы ни единому слову этой женщины, но в настоящий момент сделал вид, что удовлетворен.

Дело приняло благоприятный оборот: Райен позволил себя надуть, поверив, что я принял его за какого-то другого жулика и меня не интересует письмо Эшкрафта. Теперь я мог спокойно относительно спокойно — считать дело улаженным. Но меня раздражают не доведенные до конца дела. Этот тип был наркоманом и жил под вымышленной фамилией, а значит…

— На что живешь? — спросил я у него.

— Последние несколько месяцев я ничего не делал — пробормотал он, — но на следующей неделе с одним приятелем собираемся открыть столовую.

— Пойдем к тебе, предложил я. — Надо поговорить.

Он был не в восторге от моего предложения, но все же проводил меня наверх, где занимал две комнаты с кухней на третьем этаже. Квартира была грязной и вонючей.

— Где Эшкрафт? — опросил я напрямик.

— Не знаю, о ком это ты, — пролепетал он.

— Лучше догадайся, — посоветовал я, — иначе тебя ожидает приятная прохладная камера.

— Но у вас ничего нет против меня.

— Да ну? А как насчет месяца-другого за бродяжничество?

— Какое бродяжничество? — буркнул он. — У меня пятьсот баксов в кармане.

Я улыбнулся:

— Не валяй дурака, Райен. Деньги в кармане в Калифорнии тебе не помогут. Ты безработный и не сможешь объяснить, откуда они у тебя, а посему прекрасно подпадаешь под статью о бродяжничестве.

Я подозревал, что голубчик торгует наркотиками. Если так или если после ареста за бродяжничество оказалось бы, что он так или иначе не в ладах с законом, я мог рассчитывать на то, что он охотно заложит Эшкрафта ради спасения собственной шкуры. Тем более что сам Эшкрафт не совершил ничего противозаконного.

— На твоем месте, — продолжал я, — я был бы любезным и услужливым и все рассказал. Ты…

Внезапно он откинулся назад в кресле и сунул руку за спину. Я дал ему хорошего пинка.

Мне помешал стол, иначе я уложил бы субчика наповал. Удар, нацеленный в челюсть, угодил ему в грудь, и он полетел вверх тормашками, накрывшись креслом-качалкой. Я отшвырнул кресло в сторону и отобрал у Райена ствол — жалкую никелированную игрушку калибра 8,1 миллиметра, после чего вернулся на свое место.

Этим эпизодом его воля к борьбе и ограничилась. Он поднялся с пола, хлюпая носом:

— Я все скажу. Мне не нужны неприятности. Этот Эшкрафт объяснил мне, что тянет деньги из жены, больше ничего. Он платит мне десять баксов в месяц за то, что я получаю письмо здесь и отправляю его в Тихуану. Мы были с ним знакомы, и, когда он уезжал на юг месяцев шесть назад — у него там девушка, — я пообещал, что буду это делать для него. Эти деньги... Он говорил, что это его алименты... Я не думал, что здесь может быть что-то нечисто.

— Что за штучка этот Эшкрафт? Чем он занимается?

— Не знаю. Может, живет за счет женщин... внешность у него подходящая. Он англичанин и называет себя Эдом Бохэнноном. Не знаю, чем он может заниматься.

Вот все, что мне удалось из него вытянуть. Он не мог или не захотел мне сказать, где проживал Эшкрафт в Сан-Франциско и с кем водил компанию.

После этого Райен начал жалобно канючить, поняв, что я все же собираюсь упечь его за бродяжничество.

— Ты сказал, что отпустишь меня, если я тебе

все скажу, — запричитал он.

— Я этого не говорил. А если бы и сказал… Когда на меня пытаются навести пушку, всем уговорам конец. Пойдем.

Я не мог оставить его на свободе, пока не встречусь с Эшкрафтом.

Я и двух кварталов не прошел бы, как он отправил бы телеграмму, и добыча ускользнула бы от меня.

Оказалось, что чутье меня не подвело, когда я арестовывал Райена. После проверки отпечатков пальцев выяснилось, что это некий Фред Руни по кличке Такса известный торговец наркотиками, сбежавший из федеральной тюрьмы в Ливенпорте, где ему оставалось сидеть еще восемь лет из десятилетнего срока.

— Ты можешь заткнуть ему глотку на несколько дней? — спросил я у начальника городской тюрьмы, — у меня есть одно дельце, с которым мне легче будет управиться, если он не сможет никому настучать в ближайшее время.

— Конечно, — согласился начальник. — Ребята из федеральной тюрьмы заберут его не ранее чем через два-три дня. А у меня он будет молчать как рыба.

Прямо из тюрьмы я отправился в контору

Вэнса Ричмонда и сообщил ему добытые мною сведения.

— Эшкрафт получает письма в Тихуане, где проживает под именем Эда Бохэннона, кажется, с какой-то девушкой. Я только что засадил в кутузку одного из его дружков, беглого заключенного, который переправлял ему письма.

Адвокат поднял телефонную трубку и набрал какой-то номер:

— Могу я попросить миссис Эшкрафт? Это Ричмонд… Нет, нет, мы пока не нашли его, но кажется, узнали, где он… Да… Через пятнадцать минут. — Он положил трубку и поднялся. — Пойдем навестим миссис Эшкрафт.

Спустя четверть часа мы вышли из машины Ричмонда на Джексон-стрит, неподалеку от Гаф. Дом миссис Эшкрафт оказался трехэтажной постройкой из белого камня, отделенной от улицы ухоженным газоном, окруженным металлической оградой.

Миссис Эшкрафт приняла нас в гостиной на втором этаже. Это была высокая женщина лет тридцати, красивая, довольно худощавая, в сером платье. Пожалуй, больше всего к ней подходило слово «светлая». Оно относилось к голубизне ее глаз, розоватой белизне кожи и русым волосам.

Ричмонд представил меня ей, и я рассказал о том, что сумел разузнать, не упомянув, впрочем, о девушке в Тихуане. Умолчал я и о том, что, по всей вероятности, муж ее ступил на преступный путь.

— Мистер Эшкрафт проживает в Тихуане. Он выехал из Сан-Франциско полгода назад. Корреспонденция высылается ему на адрес одного из тамошних кафе, на имя Эда Бохэннона.

Глаза ее радостно заблестели, но она сдержала свои чувства, проявив выдержку.

— Мне следует поехать туда? Или поедете вы? — обратилась она к адвокату.

Ричмонд отрицательно покачал головой:

— Ни то, ни другое. Вам, вне всякого сомнения, не стоит этого делать, а я не смогу, по крайней мере, в настоящий момент. — Он повернулся ко мне: — Ехать придется тебе. Наверняка ты устроишь все лучше, чем я. Ты знаешь, что делать и как именно. Миссис Эшкрафт не хочет навязываться, но в то же время готова сделать все, что пойдет ему на пользу.

Миссис Эшкрафт протянула мне тонкую, но сильную руку:

— Поступайте, как сочтете нужным. — Тон ее был доверительным.

— Хорошо, — пообещал я.

Мне нравилась эта женщина.

Тихуана не слишком изменилась за два года со времени моего последнего посещения. Взору представились те же двести метров пыльной, грязной улицы, пролегавшей между двумя непрерывными рядами кабаков и всякого рода забегаловок, и еще более грязные боковые улочки с притонами, не поместившимися на главной улице.

Автомобиль, ехавший в Сан-Диего, выбросил меня посреди городка ранним угром, когда движение еще только начиналось. Это означает, что кроме бродячих собак и бездельничавших мексиканцев на улице было всего несколько пьянчуг, хотя толпа их потенциальных собратьев уже кочевала из кабака в кабак.

За первой же поперечной улочкой я увидел большую позолоченную подкову. Я вошел в заведение. Это была типичная местная забегаловка; слева от входа на половину длины здания протянулся бар с несколькими игральными автоматами в конце. С правой стороны была свободная площадка для танцующих пар, заканчивавшаяся небольшим возвышением для непромытых оркестрантов, как раз готовившихся приступить к своим обязанностям. За оркестром

виднелся ряд низких кабин, ни одна из которых не имела передней стенки, зато в каждой стоял стол и две скамьи.

В столь раннее время в заведении было всего несколько посетителей. Я подозвал бармена, могучего ирландца с багровой физиономией и двумя жалкими прядями волос, прилепившимися к и без того низкому лбу.

— Я хочу повидаться с Эдом Бохэнноном, — доверительно шепнул я ему.

Он сделал непонимающую мину:

— Не знаю я никакого Эда Бохэннона.

Тогда я вытащил листок бумаги и карандашом нацарапал на нем: «Такса в тюряге». Затем пододвинул листок бармену:

— Ты можешь передать это человеку, который придет и скажет, что его зовут Бохэннон?

— Почему бы и нет?

— Вот и хорошо, — сказал я. — А я посижу тут немного.

Я пересек зал и уселся в одной из кабин. Худая длинноногая девица с волосами невиданного пурпурного цвета тотчас подошла ко мне.

— Угостишь? — спросила она.

Состроенная ею гримаса должна была изображать улыбку. Но, что бы она ни означала, я не

стал спорить.

— Ладно, — сказал я и заказал уже стоявшему у меня над душой официанту бутылку пива для себя и виски для нее.

Девица с пурпурными волосами успела проглотить свою порцию виски и как раз открыла рот, чтобы предложить выпить по новой, — тихуанские красотки не теряют времени даром, — когда за спиной у нее раздался чей-то голос:

— Кора, тебя Фрэнк зовет.

Кора недовольно скривилась, глядя поверх моего плеча, затем вновь состроила свою ужасную мину и обратилась ко мне со словами:

— Лэйла позаботится о тебе. Ладно, Лэйла? — После этого она поднялась и ушла.

Лэйла тут же заняла ее место возле меня. Ей было максимум восемнадцать, она была немного полновата, еще ребенок. У нее были короткие вьющиеся каштановые волосы, обрамлявшие круглое, детское личико со смеющимися нагловатыми глазами.

Я и ей заказал выпивку, а сам взял еще бутылку пива.

— О чем ты думаешь? — спросил я у нее.

— О выпивке. Она мило улыбнулась. Улыбка у нее была такая же детская, как и прямой взгляд

карих глаз — О целых галлонах выпивки.

— А кроме этого?

Я понимал, что смена девушек была неслучайной.

— Ты, кажется, разыскиваешь моего друга, — сказала Лэйла.

— Может, и так. А кто твои друзья?

— Ну, например, Эд Бохэннон. Ты знаешь Эда?

— Нет… пока нет.

— Но ведь ты его ищешь?

— Ага.

— А в чем дело? Я могла бы дать ему знать.

— Не нужно, — сказал я. — Этот твой Эд чертовски недоступен. А ведь речь идет о его шкуре, а не о моей. Я закажу тебе еще стаканчик и сматываюсь.

Она вскочила с места:

— Постой, может, мне удастся его найти. Как тебя зовут?

— Пусть будет Паркер, — ответил я. Это была первая фамилия, которая пришла мне в голову и которой я уже воспользовался, разговаривая с Райеном.

— Подожди, — сказала она, направляясь к двери, расположенной в глубине зала. — Пожалуй, я все же разыщу его.

— Я тоже так думаю, — отозвался я.

Спустя десять минут в бар вошел мужчина и направился прямо к моему столику. Это был светловолосый англичанин лет сорока, с ярко выраженной внешностью опустившегося джентльмена. Правда, он еще не достиг последней степени падения, но мутные голубые глаза с мешками под ними, смазанная линия рта и серый цвет неопровержимо свидетельствовали о неуклонном окатывании вниз. Его еще можно было назвать довольно привлекательным, он сохранил кое-что от прежнего обаяния.

Усевшись напротив, он спросил:

— Вы меня искали?

— А вы Эд Бохэннон?

Он кивнул.

— Таксу замели пару дней назад, — сказал я, — думаю, сейчас он возвращается в свою тюрягу в Канзасе. Он знал, что я буду в здешних краях, и просил известить вас.

Он скривил губы и бросил на меня быстрый взгляд:

— Он вам еще что-нибудь сказал?

— Сам он мне ничего не говорил, а дал знать через одного парня. Я его не видел.

— Вы здесь пробудете еще немного?

— Два-три дня, — ответил я. — Мне нужно еще кое-что уладить.

Он улыбнулся и протянул мне руку.

— Спасибо за сообщение, Паркер, — сказал он. — Если хотите, прогуляемся вместе, я угощу вас кое-чем хорошеньким.

Я не возражал. Мы вышли из «Золотой подковы», и он привел меня по боковой улочке к дому из необожженного кирпича, стоявшему на краю пустыря. Когда мы вошли в комнату, он сделал мне знак подождать, а сам удалился в соседнюю.

— Чего бы вы выпили? — крикнул он через дверь. — Водки, джина, шотландского виски…

— Лучше всего последнее, — прервал я этот каталог.

Он принес бутылку «Блэк энд уайт», сифон с содовой и стаканы, и мы сели выпивать. Пили и разговаривали, пили и разговаривали, и оба делали вид, что опьянели больше, чем на самом деле. Кончилось тем, что мы упились в стельку.

Бесспорно, это было состязание в выдержке. Он пытался намочить меня, как губку, чтобы затем выжать все мои секреты, а я старался проделать то же самое с ним. Ни один из нас не мог похвастаться особым успехом.

— Знаешь, — сказал он, когда уже стало смер-

каться, — я просто осел. У меня есть жена… лучшая женщина в мире. И она хочет, чтобы я вернулся к ней и вообще…

А я сижу и накачиваюсь… да еще покуриваю. А мог бы кое-чего достичь в жизни… Я архитектор, понимаешь? Да еще какой! Но я запутался… Связался с этими людьми. И теперь не могу порвать. Но я вернусь… серьезно.

Вернусь к моей женушке, лучшей женщине в мире. Покончу со всем этим. Посмотри на меня, я похож на наркомана?.. Да что ты! Ни за что на свете! Я лечусь, вот в чем дело. Сейчас я тебе покажу… закурю… Ты увидишь я могу курить, а могу и не курить.

Он, пошатываясь, поднялся с кресла, неверными шагами прошел в соседнюю комнату и вернулся неся с собой приборы для курения опиума — все из серебра и слоновой кости, на серебряном подносе. Поставив поднос на стол, он пододвинул мне трубку:

— Можешь покурить за мой счет, Паркер.

Я ответил, что предпочитаю остаться при своем виски.

— А может, хочешь порошка? — подначивал он.

Но я отказался и от кокаина; тогда он разва-

лился на полу возле столика, приготовил себе трубку, и комедия продолжилась — он курил, а я не жалел виски, и оба мы тщательно следили за своими словами, одновременно стараясь развязать язык другому.

Я уже изрядно накачался, когда в полночь явилась Лэйла.

— Я вижу, вы неплохо развлекаетесь, ребята, — со смехом проговорила она, наклонилась и поцеловала англичанина в растрепанные волосы. Затем уселась за стол и потянулась за бутылкой.

— Великолепно, — заверил я ее, хотя вряд ли это прозвучало убедительно.

— Тебе надо всегда быть под газом, малыш. Ты от этого только выигрываешь.

Не помню, что я ей на это ответил. Помню только, что сразу после этого улегся на пол возле англичанина и уснул.

Два следующих дня весьма напоминали первый. Мы с Эшкрафтом не разлучались по двадцать четыре часа в сутки, и, как правило, девушка тоже находилась с нами. Не пили мы только тогда, когда требовалось проспаться. Большую часть этих трех дней мы провели в доме из необожженного кирпича или в «Золотой подкове», хотя

успели обойти изрядное число других кабаков в городке. У меня сохранилось довольно туманное представление о том, что происходило вокруг, но кажется, я ничего не упустил из виду.

На первый взгляд могло показаться, что мы с Эшкрафтом сошлись, как коллеги по ремеслу, на самом же деле ни один из нас не избавился от недоверия к другому, хотя упивались мы крепко. Таким образом, он пытался преодолеть свою тягу к опиуму, а девушка, хотя и не курила, могла выпить много.

После трех дней такого времяпрепровождения я, протрезвев, отправился назад в Сан-Франциско. На обратном пути я привел в порядок то, что успел узнать и о чем догадывался насчет Нормана Эшкрафта, он же Эд Бохэннон.

На мой взгляд, картина выглядела следующим образом.

Первое. Он подозревал, если не был абсолютно уверен, что я приехал с целью увидеть его по поручению его жены, — слишком он был вежлив и принимал меня слишком любезно, чтобы я мог усомниться в этом. Второе. Он явно решил вернуться к жене, хотя не было никакой уверенности в том, что он действительно это сделает. Третье. Он еще не попал в окончательную зави-

симость от наркотиков. Четвертое. Он мог взять себя в руки под влиянием жены, но это выглядело сомнительным — он не совсем опустился, но познакомился с жизнью дна и, кажется, находит в ней свою прелесть. Пятое. Девушка по имени Лэйла влюблена в него до безумия, она же, хотя и нравилась ему, отнюдь не вызывала в нем столь же сильного чувства.

Спокойная ночь в поезде между Лос-Анжелесом и Сан-Франциско помогла мне выйти на вокзале на углу Таусэнд и Третьей улицы с почти нормально функционирующими головой и желудком, а также с не слишком расстроенными нервами. Смолотив за завтраком больше, чем за предыдущие три дня в Тихуане, я отправился в контору Вэнса Ричмонда.

— Мистер Ричмонд уехал в Эурику — сообщила мне его стенографистка.

— Вы можете соединить меня с ним по телефону? Это оказалось возможным, и она соединила нас.

Не называя фамилий, я сообщил адвокату о том, что узнал и о чем догадывался.

— Понятно, — сказал он. — Сходи к нашей клиентке и скажи, что я сегодня ей напишу, а вернусь в город, скорее всего, послезавтра. Думаю, до тех

пор мы вполне можем потянуть волынку.

Я сел в трамвай, сделал пересадку на Ван-Несс-авеню, а оттуда дошел до дома миссис Эшкрафт. Позвонил в дверь. Тишина. Я позвонил еще пару раз и только тогда заметил у двери две утренние газеты. Взглянув на даты, я обнаружил, что это вчерашняя и сегодняшняя.

Какой-то старичок в вылинявшем комбинезоне поливал газон перед соседним домом.

— Вы не знаете, жильцы этого дома не уехали? — крикнул я.

— Да вроде нет. Я видел сегодня утром, что задняя дверь открыта. — Он немного постоял, почесывая подбородок. — А может, и уехали, — медленно проговорил он. — Мне вдруг пришло в голову, что я никого не видел в дверях. Кажется, я никого из них не видел и весь вчерашний день.

Обойдя дом, я перелез через низкую ограду и поднялся на ступеньки заднего крыльца. Кухонная дверь была приоткрыта. Никто не ходил по кухне, однако я слышал плеск воды из крана.

Я громко постучал. Ответа не последовало. Толкнув дверь, я вошел. Вода текла из крана над раковиной. Я заглянул в раковину.

Под тонкой струйкой воды лежал большой кухонный нож с лезвием сантиметров в трид-

цать. Нож был чист, но на стенках фаянсовой раковины, куда вода попадала лишь мелкими капельками, я заметил ржавые пятнышки Я соскреб одно из них ногтем — это была высохшая кровь.

Если бы не эта раковина, все в кухне было бы в образцовом порядке. Я открыл дверь в кладовую; здесь также царил полный порядок. Вторая дверь из кухни вела внутрь дома. Открыв ее, я вышел в коридор. Свет из кухни слабо освещал его. Я ощупью поискал на стене выключатель и тут же наступил на что-то мягкое.

Сделав шаг назад, я вытащил из кармана спички и чиркнул, осветив то, что находилось передо мной. На полу лежал слуга-филиппинец в нижнем белье, ноги его свешивались со ступенек, а голова и плечи покоились на полу.

Он был мертв — глаз выбит, горло раскромсано ножом под самым подбородком. Мне даже не нужно было закрывать глаза, чтобы представить себе это убийство. На верхней площадке лестницы убийца левой рукой хватает филиппинца за лицо, воткнув большой палец ему в глаз, закидывает его голову назад, обнажая смуглое горло для ножа, и сталкивает беднягу со ступенек.

Я чиркнул второй спичкой и разыскал выключатель, после чего зажег свет, застегнул плащ и

поднялся по лестнице. То там, то здесь виднелись пятна засохшей крови, на площадке второго этажа она темнела и на обоях. Я щелкнул вторым выключателем, вошел в переднюю, заглянул в два помещения, которые показались мне нетронутыми, повернул в сторону и отпрянул, чуть не наступив на лежавшую передо мной женщину.

Она лежала на полу, скорчившись, лицом вниз с подогнутыми коленями и прижатыми к животу руками. На ней был халат; волосы заплетены в косу.

Я приложил палец к ее шее. Холодная как лед.

Присев на корточки, чтобы не переворачивать труп, я глянул на лицо женщины. Это оказалась служанка четыре дня назад впустившая нас с Ричмондом в дом.

Поднявшись, я огляделся. Голова служанки почти касалась закрытой двери, я обошел труп и отворил дверь. За ней была спальня, изысканно и дорого обставленная комната в серо-кремовых тонах, с французскими репродукциями на стенах. Только постель была в беспорядке. Белье было скомкано посреди кровати, образуя неестественную груду…

Простыня оказалась испачканной кровью. Я отбросил в сторону белье.

На кровати лежала мертвая миссис Эшкрафт.

Тело ее как-то съежилось, голова криво висела на шее, разрезанной до самых позвонков. На лице виднелись четыре глубокие царапины, тянувшиеся от виска к подбородку. Один рукав голубой шелковой пижамы был оторван. Матрас и пижама пропитались кровью, не успевшей засохнуть под толстым слоем постельного белья.

Я прикрыл покойную одеялом, протиснулся мимо лежавшего в передней трупа служанки и спустился вниз, включая по дороге свет. Телефон был внизу. Вначале я позвонил в полицию, затем в контору Вэнса Ричмонда.

— Сообщите мистеру Ричмонду, что миссис Эшкрафт убита, — сказал я стенографистке. — Я нахожусь в ее доме, он может найти меня здесь.

Затем я вышел через парадную дверь, сел на верхнюю ступеньку и, покуривая, стал поджидать полицию.

Чувствовал я себя отвратительно. Мне случалось видеть и больше трех трупов одновременно, но это обрушилось на меня в тот момент, когда мои нервы были на взводе после трехдневной попойки.

Прежде чем я успел докурить сигарету, из-за угла выскочила полицейская машина, из нее

высыпались люди. О'Гар, сержант из отдела по расследованию убийств, вышел первым.

— Здорово! — приветствовал он меня. — Что на этот раз на тебя свалилось?

— Я обнаружил три трупа и отказался от дальнейших поисков, — сообщил я, провожая его. — Может, ты, как профессиональный сыщик, найдешь больше.

— Ты неплохо себя проявил… для молодого парня.

Моя минутная слабость миновала. Я снова загорелся жаждой деятельности.

Вначале я показал О'Гару филиппинца, затем двух женщин. Больше трупов мы не нашли. Подробный осмотр места происшествия и предварительное расследование заняло у всех нас — О'Гара, восьмерых его помощников и меня — несколько часов. Нужно было перетряхнуть весь дом от подвала до чердака, расспросить соседей и навести справки в посреднической конторе, через которую были наняты слуги. Кроме того, требовалось еще расспросить родственников и друзей филиппинца и служанки, а также газетчиков, почтальонов и рассыльных.

Собрав большую часть рапортов и протоколов, мы заперлись в библиотеке.

— Думаю, это случилось позавчера ночью, а? Со среды на четверг? — обратился ко мне О'Гар, когда мы удобно устроились в кожаных креслах и закурили.

Я молча кивнул. Заключение врача, осматривавшего трупы, наличие двух газет у двери, а также тот факт, что ни один из соседей, лавочников и мясников не видел никого из обитателей дома с четверга, позволяли предполагать, что все произошло в ночь со среды на четверг.

— По моему мнению, убийца проник в дом через кухонную дверь, — продолжал О'Гар, глядя на облачко под потолком. — Взял кухонный нож и пошел наверх. Возможно, он отправился прямо в комнату миссис Эшкрафт, но может, и нет. Как бы там ни было, спустя некоторое время он туда вошел.

Оторванный рукав и царапины на ее лице свидетельствуют о том, что не обошлось без сопротивления. Филиппинец и служанка услышали шум, может быть, крик и помчались в комнату хозяйки посмотреть, что случилось. Скорее всего, служанка оказалась там в тот момент, когда убийца уже выходил, и он тут же ее прикончил. Потом спустился вниз, в кухню, умыл руки, оставил нож и смылся.

— Все это очень хорошо, — согласился я, — но ты оставляешь в стороне вопрос о том, кто он и зачем ему понадобилось убивать.

— Не торопи меня, — недовольно буркнул сержант. — Я еще скажу об этом. Видимо, есть только три варианта из которых следует выбрать. Убийца мог быть маньяком' совершившим преступление ради собственного удовольствия, взломщиком, которого застали на месте преступления, так что ему пришлось уничтожить свидетелей или человеком, имевшим особые причины прикончить миссис Эшкрафт, а затем и двоих слуг, застигших его на месте преступления. Лично я склонен думать, что этот человек намеревался убить миссис Эшкрафт.

— Недурно, — похвалил я его. — А теперь послушай, что я скажу. У миссис Эшкрафт есть муж, проживающий в Тихуане, наркоман, вращающийся в бандитской среде. Жена пыталась уговорить его вернуться к ней. У него там девушка, очень юная и помешанная на нем, довольно дрянная актриса, но весьма крепкий орешек. Он намеревался бросить ее и вернуться домой.

— Следовательно? — тихо спросил О'Гар.

— Однако я находился позавчера в Тихуане вместе с ним и с той девушкой в момент совер-

шения убийства.

— Следовательно? — повторил сержант.

Наш разговор прервал стук в дверь. Пришел полицейский, чтобы позвать меня к телефону.

Я спустился вниз и услышал в трубке голос Ричмонда:

— Что случилось? Мисс Генри передала мне твое сообщение, но не могла ничего объяснить.

Я все ему рассказал.

— Сегодня вечером я возвращаюсь, — сказал он выслушав меня. — Поступай, как сочтешь нужным. Я предоставляю тебе полную свободу действий.

— Ладно, — отозвался я. — Когда вернешься, меня наверное, уже не будет здесь. Ты сможешь связаться со мной через агентство. Я отправлю телеграмму Эшкрафту чтобы приехал… Разумеется, от твоего имени.

После этого я позвонил в городскую тюрьму и спросил начальника, там ли еще Джон Райен, он же Фред Руни он же Такса.

— Нет. Федеральная полиция переправила его вчера утром в Ливенпорт.

Вернувшись наверх, в библиотеку, я поспешно сказал О'Гару:

— Я хочу успеть на вечерний поезд на юг. Сдает-

ся мне, что все это дело спланировано в Тихуане. Я отправлю Эшкрафту телеграмму, чтобы он приехал. Мне хотелось бы выманить его из этого мексиканского городка на пару дней, а когда он приедет, не спускай с него глаз. Я опишу тебе его внешность, и ты сможешь накрыть его в конторе Вэнса Ричмонда.

Оставшиеся до отхода поезда полчаса, я потратил на составление и отправку телеграмм. Первая была адресована Эшкрафту: «Эдуарду Бохэннону Бар «Золотая подкова» Тихуана Мексика Миссис Эшкрафт умерла Прошу вас немедленно приехать. Вэнс Ричмонд».

Две другие были зашифрованы. Одна предназначалась для отделения Континентального детективного агентства в Канзас-Сити и содержала просьбу допросить Таксу в Ливенпорте. В другой я просил, чтобы кто-нибудь из лос-анджелесского отделения встретился со мной на другой день в Сан-Диего.

Потом я помчался домой за сумкой с чистым бельем и, снова сев на поезд, следовавший в южном направлении, заснул.

Сан-Диего показался мне веселым и шумным, когда я ранним утром следующего дня сошел с поезда; многолюдство объяснялось тем, что

была первая суббота сезона на скачек по ту сторону границы. Город наводнили киношники из Лос-Анджелеса, фермеры из Империал — Велли, матросы тихоокеанского флота, шулеры, туристы всевозможные бродяги и просто обыкновенные люди со всех близлежащих штатов. Я пообедал, снял номер в гостинице, оставил там вещи, а сам отправился в отель «Ю. С. Грэнт» к агенту Лос-Анджелесского отделения которому я телеграфировал.

Я нашел его в холле — это был веснушчатый молодой человек лет двадцати двух, внимательно изучавший быстрыми серыми глазами программку скачек. Он держал ее рукой с пластырем на пальце. Пройдя мимо него, я остановился у табачного киоска, купил пачку сигарет и поправил свою шляпу. Потом вновь вышел на улицу. Залепленный пластырем палец и манипуляции со шляпой были нашими условными знаками. Все эти фокусы изобретены еще до войны между Севером и Югом, но по-прежнему полезны, поэтому нет смысла отказываться от них.

Я как раз сворачивал на Четвертую, ответвлявшуюся от главной улицы Сан-Диего, когда агент нагнал меня. Его звали Германом. Я представил ему свой план.

— Ты поедешь в Тихуану и возьмешь под наблюдение бар «Золотая подкова». Там обитает одна деваха пристающая к клиентам, чтоб угостили, — невысокого роста, с вьющимися каштановыми волосами, карими глазами, круглым лицом, довольно толстыми красными губами и широкими плечами. Ты наверняка ее узнаешь. Этакое милое создание лет восемнадцати. Зовут Лэйла. Именно она нас интересует. Держись от нее подальше, не пытайся сближаться. Я хочу, чтобы ты явился туда часом раньше меня. Потом приеду я и поговорю с ней. Мне хочется знать, что она сделает сразу после моего отъезда и как поведет себя в последующие несколько дней.

Ты найдешь меня в гостинице, — я сообщил ее название и номер, в котором остановился, — каждый вечер. Больше нигде не показывай виду, что мы знакомы.

Мы расстались, и я пошел на площадь посидеть часок на скамейке, после чего отправился на перекресток и отвоевал себе местечко в автобусе до Тихуаны.

Проехав миль пятнадцать по пыльной дороге пятым на сиденье, предназначенном для троих, и миновав иммиграционный пункт, я сошел с автобуса у входа на ипподром. Лошадки уже неко-

торое время бегали, но турникеты продолжали вращаться, пропуская все новые толпы зрителей. Я повернулся спиной к воротам и направился к рядам такси; они стояли перед большим деревянным сараем под громким названием «Монте-Карло» — местным казино. Усевшись в одну из потрепанных машин, я велел везти себя в старый город.

Старый город выглядел опустевшим — почти все его обитатели отправились на скачки. Войдя в «Золотую подкову», я увидел Гормана, сидевшего над стаканом мескаля. Оставалось надеяться, что со здоровьем у него все в порядке; оно ему очень пригодится, если он и дальше намерен работать, сидя на диете из дистиллированного экстракта кактуса.

Радушие, с которым меня встретили завсегдатаи «Золотой подковы», заставило меня тут же почувствовать себя как дома. Даже бармен с приклеенными ко лбу завитушками улыбнулся мне.

— Где Лэйла? — спросил я.

— Набиваешься Эду в шурины? — Высокая молодая шведка подмигнула мне по-свойски. — Попробую ее разыскать.

В ту же минуту из задних дверей появилась Лэйла и кинулась мне на шею:

— Снова приехал гульнуть?

— Нет, ответил я, отводя ее в сторону от кабин. — На этот раз по делу. Где Эд?

— На севере. Его жена протянула ноги, и он отправился подобрать то, что осталось после нее.

— Тебе это неприятно?

Еще как! Ужасно неприятно, что мужик загребет кучу.

Я взглянул на нее краем глаза, что должно было изображать хитрый взгляд:

— Надеешься, что Эд привезет эту кучу денег тебе?

Она мрачно посмотрела на меня:

— Тебе-то какое дело?

Я загадочно усмехнулся:

— Могут случиться две вещи: Эд или даст тебе отставку, о чем он уже подумывал, или вынужден будет выложить все — до последнего цента, чтобы спасти свою шкуру…

— Проклятый лгун!

Ее правая рука лежала на моей левой. Молниеносным движением она сунула руку под короткую юбку. Я оттолкнул ее. Нож, который она успела вытащить, с силой вонзился в стол. Это был нож с широким толстым клинком уравновешенный таким образом, чтобы его можно

было бросать в цель.

Она рванулась назад, ударив меня острым каблуком в лодыжку. Я протянул руку ей за спину и схватил ее за локоть как раз в тот момент, когда она выдрала нож из столешницы.

— Что здесь творится, черт побери?

Я поднял глаза.

По другую сторону стола, зловеще глядя на меня, широко расставив ноги и упершись кулаками в бока, стойл мужчина. Он был высокий и жилистый, с широкими пленами, из которых тянулась длинная худая желтая шея, поддерживавшая маленькую круглую головку. Его глазки, очень близко посаженные над крошечным расквашенным носиком, напоминали черные пуговки на туфлях.

— Это еще что за выходки?! — зарычал на меня этот тип.

Он выглядел слишком опасным, чтобы пускаться с ним в разговоры.

— Если ты официант, — сказал я, — то принеси мне бутылку пива и что-нибудь для девушки. А если не официант, проваливай отсюда.

— Я тебе сейчас…

Девушка вырвалась из моих рук и перебила его:

— Мне виски.

Он оскалился, еще раз показав свои грязные зубы, и медленно удалился.

— Кто это такой?

— Лучше держись от него подальше, — посоветовала она, не отвечая на мой вопрос. Потом она спрятала нож под юбку и повернулась ко мне: — Что это ты нес насчет того, что у Эда проблемы?

— Читала в газете о тех убийствах?

— Да.

— Тогда мне нечего тебе объяснять. Единственный выход для Эда — свалить все на тебя. Но я сомневаюсь, что ему это удастся. А если не удастся, с ним все кончено.

— Ты что, спятил?! — крикнула она. — Уж не настолько ты был пьян, чтобы не знать, что в момент убийства мы оба были с тобой, в этом самом месте.

— Я не настолько спятил, чтобы не понимать, что это еще ничего не доказывает, — возразил я. — Уверен, что вернусь в Сан-Франциско с убийцей, прикованным к моему запястью.

Она расхохоталась. Я тоже рассмеялся и поднялся с места.

— Еще увидимся, — проговорил я, направляясь к двери.

Вернувшись в Сан-Диего, я отправил телеграмму в Лос-Анджелес с просьбой прислать еще одного агента. Потом перекусил и провел вечер, поджидая в своем номере Гормана.

Он пришел поздно, от него несло мескалем на расстояние от Сан-Диего до Сент-Луиса и обратно, но голову он сохранил свежую и ясную.

— Мне уж показалось, что придется доставать пушку, чтобы вытащить тебя из той норы, — улыбнулся он.

— Оставь меня в покое, — велел я. — В твои обязанности входит лишь наблюдение за происходящим. Что ты успел заметить?

— Когда ты смылся, девица и тот долговязый уселись голова к голове и принялись шептаться. Они были здорово взволнованы, очень нервничали. Потом он выскользнул из заведения, я последовал за ним. Он пошел в город и отправил телеграмму. Я не мог приблизиться к нему настолько, чтобы увидеть, кому она адресована. После этого он вернулся в бар.

— Кто такой этот долговязый?

— Судя по тому, что я успел услышать, не особенно приятный тип. Зовут его Флин Гусиная Шея. Он вышибала и выполняет в заведении разные поручения.

Значит, Гусиная Шея исполнял в «Золотой подкове» обязанности стража порядка, а я его не видел на протяжении всех трех дней нашего загула? Не мог же я быть настолько пьян, чтобы не запомнить такую гнусную рожу! И именно в один из этих трех дней были убиты миссис Эшкрафт и ее слуги.

— Я телеграфировал в твое агентство и попросил еще одного человека на подмогу, — сообщил я Горману. — Он свяжется с тобой. Передай ему девушку, а сам займись Гусиной Шеей. Сдается мне, что у него на совести три убийства, поэтому будь, осторожен.

— Слушаюсь, босс, отозвался он и пошел спать. Следующий день я провел на скачках, ставя на разных кляч в ожидании вечера. После последнего забега я отправился перекусить в «Харчевню заходящего солнца», затем перебрался в казино, помещавшееся в том же здании. Там мельтешило не менее тысячи человек самого разного пошиба, сражавшихся в покер, кости, топтавшихся возле колеса фортуны и рулетки и просаживавших остатки денег, выигранных на скачках.

Я не стал играть — время забав кончилось. Я пробирался сквозь толпу, охотясь за нужными мне людьми.

Спустя некоторое время я увидел первого — загорелого мужчину, смахивавшего на сезонного рабочего в воскресном костюме. Он проталкивался к выходу с тем отрешенным выражением лица, которое отличает любителей азартных игр, проигравших все прежде, чем закончилась игра, — это выражение тоски не столько от проигрыша, сколько от того, что пришлось прервать игру.

Я преградил ему путь.

— Проигрался? — сочувственно спросил я.

Он кивнул.

— Хочешь заработать пятерку за пятнадцать минут?

Разумеется, он не возражал, лишь поинтересовался, что это за работа.

— Я хочу, чтобы ты поехал со мной в старый город и взглянул на одного человека. После этого получишь деньги. Вот и все.

Его это не очень устраивало, но пять долларов на дороге не валяются, к тому же он в любой момент мог выйти из игры, если ему что-нибудь не понравится. Он решил попробовать.

Я велел ему подождать у дверей, а сам пошел разыскивать следующего. Им оказался невысокий пухлый мужчина с круглыми, полными

оптимизма глазами и безвольным подбородком. Он с охотой согласился заработать пять долларов столь простым способом, какой я ему обрисовал. Еще один мужчина, к которому я обратился с тем же предложением, оказался слишком боязливым, чтобы встревать в темные делишки. Потом мне удалось завербовать одного филиппинца, выглядевшего очень изысканным в костюме бледно-желтого цвета, и толстого грека, по всей вероятности, официанта или парикмахера.

Четверых было достаточно. Мой квартет мне чрезвычайно нравился, — возможно, они выглядели не слишком умными, зато не походили на жуликов и мошенников.

Я запихнул их в такси, и мы поехали в старый город. — Теперь послушай, что я скажу, — начал я их поучать, когда мы приехали на место. — Я пойду в бар.

«Золотая подкова», там, за углом, а вы подождите несколько минут, потом войдите и закажите выпивку. — Я вручил мужчине с внешностью сезонного рабочего пятидолларовую банкноту: — Расплатишься за выпивку. В баре вы увидите высокого, широкоплечего мужчину с длинной желтой шеей и маленьким некрасивым лицом. Наверняка вы ни с кем его не спутаете. Присмот-

ритесь к нему хорошенько, но так, чтобы он не заметил. Когда будете уверены, что везде сможете его узнать, кивните мне и приходите сюда за деньгами. Но учтите, я не хочу, чтобы кто-нибудь догадался, что вы меня знаете.

Все это показалось им странным, но уж больно соблазняли пять долларов на нос, да еще когда в казино продолжали играть; если повезет, поставив эти пять долларов можно… Они начали было задавать всякие вопросы, на которые я не стал отвечать, но все-таки остались.

Войдя в бар, я увидел, что Гусиная Шея стоит за стойкой и помогает бармену. Помощь и впрямь была необходима, потому, что заведение буквально ломилось от посетителей.

Я не заметил в толпе веснушчатого лица Гормана, зато увидел острый, как топор, бледный профиль Хупера, второго агента из Лос-Анджелеса, присланного в ответ на мою телеграмму. Лэйла сидела в конце стойки, угощаясь в обществе какого-то тщедушного человечка, на лице которого была написана беззаботная радость сбежавшего на часок из дому примерного мужа. Она кивнула мне, но не оставила своего клиента.

Гусиная Шея, скривившись, подал мне заказанную бутылку пива. Вскоре в бар вошли четверо

нанятых мною мужчин. Разыграли свои роли великолепно.

Вначале они таращились в табачном дыму, заглядывая в каждое лицо и тут же отводя взгляд при встрече с чужими глазами.

Так продолжалось некоторое время, пока филиппинец не увидел за стойкой описанного мною человека. Взволнованный этим открытием, он даже слегка подпрыгнул, а заметив, что Гусиная Шея зловеще уставился на него, отвернулся и начал беспокойно вертеться на месте. Теперь и остальные заприметили Гусиную Шею и начали украдкой бросать на него взгляды, столь же незаметные, как пара фальшивых бакенбардов.

Филиппинец первым обернулся, посмотрел на меня энергично помотал головой и поспешно ретировался на улицу. Трое остальных быстро опорожнили свои стаканы и пытались поймать мой взгляд, а я тем временем читал плакат, помещенный высоко на стене за стойкой бара: «Мы подаем только настоящее довоенное американское и британское виски».

Я пытался подсчитать, сколько вранья заключено в этих словах, как вдруг, словно выстрел выхлопной трубы автомобиля, послышался громкий кашель одного из моих заговорщиков, грека.

Гусиная Шея, с побагровевшим лицом и деревянным молотком для распечатывания бочек в руке, начал выбираться из-за стойки бара.

Я взглянул на своих помощников. Все было бы не так плохо, если бы они кивали мне поодиночке, но они не хотели рисковать, боясь упустить мой взгляд, прежде чем выполнят задание. По этой причине их головы склонились одновременно, и каждый в радиусе нескольких метров вокруг не только мог, но прямо-таки вынужден был их заметить, после чего они тотчас скрылись за дверью, стремясь оказаться как можно дальше от человека с длинной шеей и его колотушки.

Я допил пиво, не спеша вышел на улицу и свернул за угол. Мои помощники, сбившись в кучку, стояли там, где я велел им ждать.

— Мы узнаем его! Узнаем! — хором воскликнули они.

— Превосходно! — похвалил я их. — Вы замечательно справились с заданием. Из вас получились бы заправские детективы. Вот вам деньги.

А теперь я на вашем месте предпочел бы держаться подальше от этой забегаловки, потому что тот тип, хотя вы и проделали все совершенно незаметно, мог что-то заподозрить. Не стоит рисковать.

Они поспешно схватили свои деньги и исчезли, прежде чем я договорил.

Незадолго до полуночи в мой номер явился агент Хупер.

— Гусиная Шея исчез сразу после твоего ухода, Горман отправился за ним, — сообщил он. — Девушка находится в доме из необожженного кирпича на краю города. В доме темно.

В ту ночь Горман так и не появился.

В десять утра меня разбудил посыльный, доставивший телеграмму, отправленную из Мексики: «Приехал вчера вечером поселился дружков отправил две телеграммы Горман».

Это было хорошее известие. Длинношеий попался на удочку, принял четверых проигравшихся игроков за свидетелей и счел их кивки знаком того, что они его опознали. Похоже, именно Гусиная Шея совершил убийства и теперь паниковал.

Я снял пижаму и начал одеваться, когда пришел посыльный с еще одной телеграммой. Она была от О'Гара: «Эшкрафт вчера исчез».

Я позвонил Хуперу.

— Поезжай в Тихауну, — распорядился я, — наблюдай за домом, в котором вчера была девушка, или отыщи ее в «Золотой подкове».

Оставайся там, пока я не появлюсь, и не спускай с нее глаз, пока она не войдет в контакт с высоким светловолосым англичанином. Тогда переключайся на него. Его около сорока, блондин с голубыми глазами. Не упусти его. Теперь он для нас самое важное лицо в этой компании. Я приеду, и если мы с англичанином останемся вдвоем, а девушка уйдет, то следи за ней, в противном случае наблюдай за англичанином.

Потом я оделся, наскоро позавтракал и сел в автобус, ехавший в Тихуану. Парень за рулем держал порядочную скорость, но когда неподалеку от Палм-Сити нас нагнал коричневый кабриолет, мне показалось, что мы еле плетемся. За рулем автомобиля сидел Эшкрафт.

Я вновь увидел этот кабриолет стоящим перед домом из необожженного кирпича. Чуть подальше, за перекрестком, притворяющийся пьяным Хупер разговаривал с двумя индейцами в форме мексиканской армии.

Я постучал в дверь.

— Кто там? — послышался голос Лэйлы.

— Это я, Паркер. Сдается мне, Эд вернулся.

— Ох! — воскликнула она, и наступила тишина. Затем вновь раздался ее голос: — Входи.

Я толкнул дверь и вошел. Англичанин сидел,

откинувшись на спинку стула, упершись правым локтем в стол и сунув руку в карман пиджака, — если в кармане у него пистолет, то он явно нацелен на меня.

— Привет! — обратился он ко мне. — Я слышал, у тебя насчет меня какие-то домыслы?

— Можешь называть это домыслами. — Я придвинул стул и уселся рядом с ним. — Но не стоит обманывать друг друга. Ты велел Гусиной Шее убрать свою жену, чтобы дорваться до ее состояния. Ты совершил ошибку, выбрав для этого дела такого кретина, как он, кретина, который сначала устроил резню, а потом потерял голову. Он смылся только потому, что какие-то парни ткнули в него пальцами! Небось, так перетрухнул, что несколько часов езды по горной дороге показались ему путешествием на край света! И куда же он смылся? В Мексикали! Нечего сказать, хорошенькое местечко! — Я не переставал молоть языком. — Ты не дурак, Эд, но я тоже. Я заберу тебя отсюда в наручниках и отвезу на север, но спешить мне некуда. Если я не смогу сделать это сегодня, то охотно подожду до завтра. В конце концов, я тебя сцапаю, если кто-нибудь не опередит меня.

Впрочем, я не огорчился бы из-за этого. У ме-

ня за поясом, под жилетом, пистолет. Если ты велишь Лэйле достать его оттуда, мы сможем спокойно поговорить.

Он медленно кивнул, не сводя с меня глаз. Девушка подошла ко мне сзади, сунула руку мне под жилет, и мой черный пистолет покинул меня. Прежде чем отойти в сторону, она на мгновение приложила острие ножа к моей шее — деликатное напоминание.

— Вот и отлично, — проговорил я, когда она передала мое оружие англичанину, спрятавшему его в карман. — Мое предложение таково: вы оба поедете со мной за границу, чтобы избежать насильственной выдачи вас правительством, и вас арестуют. Мы сразимся в суде. Я не вполне уверен, что мне удастся доказать вашу причастность к этим убийствам. Если не удастся — вы выйдете на свободу. Но если я добьюсь своего, а я надеюсь так и будет, то вас наверняка вздернут. Какой вам смысл бежать? Чтобы провести остаток жизни скрываясь? И только затем, чтобы, в конце концов, вас сцапали или пристрелили при попытке бежать? Послушай, Эд, тебе не удастся спасти свою шкуру, но что будет с деньгами, которые оставила твоя жена? Ведь из-за них ты и начал все это, из-за них велел убить свою жену.

Предстань перед судом, у тебя появится шанс получить их. А если сбежишь, тебе придется навсегда распрощаться с ними.

Я пытался склонить Эда и его девицу к бегству. Если бы они позволили себя арестовать, возможно, удалось бы добиться обвинительного приговора для одного из них, но шансов было немного. Все зависело бы от дальнейшего развития событий. От того, сумел ли бы я доказать, что Гусиная Шея находился той ночью в Сан-Франциско, а я думаю, что у него нашлась бы масса доказательств обратного. В доме миссис Эшкрафт не удалось обнаружить отпечатков пальцев убийцы. Но даже если бы мне удалось убедить присяжных в том, что Гусиная Шея находился в ту ночь в Сан-Франциско, я должен был еще доказать, что именно он совершил преступление.

Затем предстояло бы самое трудное: доказать, что убийство совершено по поручению одного из подозреваемых, а не по собственному почину.

Потому-то я и хотел, чтобы эта парочка скрылась. Безразлично, что они предприняли бы и куда отправились, лишь бы сбежали. Я верил в удачу и знал, что сумею извлечь выгоду из их побега.

Англичанин напряженно размышлял. Я по-

нимал, что больше всего озадачил его своим рассказом о Гусиной Шее. Наконец он расхохотался:

— Ты ненормальный, но…

Внезапно дверь с треском распахнулась, и в комнату вошел Гусиная Шея.

Одежда его побелела от пыли, а голова была вытянута вперед на всю длину желтой шеи.

Его похожие на пуговки от туфель глазки уперлись в меня. Он повернул руки, просто повернул — и только тогда я заметил в каждой из них по револьверу.

— Руки на стол, Эд! А ты ни с места! — зарычал Гусиная Шея на девушку. Потом он повернулся ко мне, сверля меня взглядом, и заговорил, обращаясь к Эду и девушке: — Так вот зачем вы прислали мне телеграмму, чтоб я возвращался? Решили устроить западню? Сделать меня козлом отпущения? Ну, вы меня еще узнаете! Я вам кое-что скажу, а потом смоюсь, даже если мне придется пробиваться сквозь всю мексиканскую армию! Да, я пришил твою жену и ее слуг за ту тысячу…

Девушка шагнула в его сторону и крикнула:

— Заткнись, черт тебя подери!

— Сама заткнись! — рявкнул Гусиная Шея и взвел курок револьвера. — Сейчас моя очередь

говорить. Я пришил ее за…

Лэйла нагнулась и сунула левую руку под юбку. Ее рука поднялась вверх… Блеск выстрела из револьвера Гусиной Шеи отразился в мелькнувшем в воздухе стальном лезвии.

Девушка покачнулась — пули разорвали ей грудь, — ударилась спиной о стену и рухнула лицом на пол.

Гусиная Шея прекратил стрелять и попытался что-то произнести. Из его желтой шеи торчала коричневая рукоятка брошенного девушкой ножа. Лезвие заставило бандита умолкнуть. Гусиная шея выронил один из револьверов и потянулся к рукоятке ножа, но рука его поднялась лишь наполовину и бессильно упала вниз. Он медленно опустился на колени, уперся ладонями в пол, перекатился на бок и замер.

Я прыгнул на англичанина, но споткнулся о тело Гусиной Шеи. Моя рука скользнула по пиджаку противника, однако он успел уклониться и вытащил оружие.

Взгляд у англичанина был жесткий и холодный, зубы стиснуты. Он пятился назад, а я продолжал неподвижно лежать там, где упал. Он не произнес ни слова Просто сбежал.

Я схватил револьвер, валявшийся на полу,

потом подскочил к Гусиной Шее, вырвал из его мертвой руки второй револьвер и выбежал на улицу. Коричневый кабриолет, поднимая столб пыли, мчался в сторону пустыни. Метрах в десяти от меня стоял заляпанный грязью туристский автомобиль. Тот самый, на котором приехал из Мексикали Гусиная Шея. Я вскочил в него и бросился в погоню за столбом пыли.

Автомобиль оказался, несмотря на свой потрепанный вид, великолепным; двигатель такой мощности мог быть только у машины контрабандистов. Первые полчаса расстояние между мной и столбом пыли не менялось, затем стало сокращаться.

Между тем дорога, по которой мы ехали, внезапно кончилась. Я немного прибавил скорость, и автомобиль начало бросать из стороны в сторону. Я чуть не врезался в оказавшийся на моем пути огромный валун, о который неминуемо разбился бы; вновь взглянув на дорогу, я увидел, что коричневый кабриолет больше не вздымает столба пыли. Он остановился.

Внутри никого не оказалось. Я поехал дальше.

Из-за кабриолета раздался выстрел, за ним второй, третий… Впрочем, нужно было быть очень метким стрелком, чтобы попасть в цель, — меня

швыряло на сиденье, как ртутный шарик на ладони припадочного.

Англичанин выстрелил еще раз, укрывшись за своим автомобилем, и бросился к зиявшей неподалеку узкой трехметровой расщелине с острыми краями. На краю расщелины он обернулся, чтобы еще раз выстрелить, и исчез из вида.

Я резко повернул руль, потом нажал на тормоз, и черный туристский автомобиль замер там, где я в последний раз видел англичанина. Почва посыпалась под передними колесами. Я отпустил тормоз и выскочил из машины.

Автомобиль свалился в расщелину следом за англичанином.

Лежа на животе, я приподнял голову и глянул вниз: англичанин на четвереньках отползал от перевернувшегося автомобиля, кузов которого был разбит, но мотор продолжал работать. В руке англичанина был пистолет — мой собственный.

— Бросай оружие и поднимайся сюда, Эд! — крикнул я.

Гибкий, как змея, он обернулся и поднял пистолет… Я выстрелил и раздробил ему предплечье. Потом соскользнул вниз, поднял выпавший из его руки пистолет и быстро обыскал его, чтобы убедиться, что у него нет другого оружия. После

этого я вытащил платок и перевязал ему рану.

— Пойдем наверх, поговорим, — предложил я, помогая ему подняться по крутому откосу.

Мы уселись в его кабриолет.

— Можешь болтать, сколько влезет, — сказал он, — у тебя против меня ничего нет. Ты сам видел, как Лэйла прикончила Гусиную Шею, чтобы он ее не заложил.

— Вот ты, значит, на что решил поставить? — проговорил я. — Дескать, девушка наняла Гусиную Шею чтобы он убил твою жену, когда узнала, что ты собираешься бросить ее и вернуться к нормальной жизни?

— Вот именно.

— Неплохо, Эд, но есть одна неувязочка. Ты не Эшкрафт.

Он расхохотался. — Энтузиазм мутит тебе рассудок, — насмешливо произнес он. — Как я мог бы обмануть чужую жену? К тому же ее адвокат, Ричмонд, предварительно потребовал, чтобы я удостоверил свою личность.

— Понимаешь, Эд, я малость пошустрее их обоих. Ведь у тебя была уйма подлинных вещей Эшкрафта — документы, письма, написанные его рукой. Тебе нетрудно было обмануть его жену. Что же касается адвоката, он проверил твою

личность лишь для проформы. Ему и в голову не пришло, что ты мог оказаться не Эшкрафтом. Вначале в твои планы входило лишь добиться от миссис Эшкрафт ежемесячной ренты — якобы для лечения от наркомании. Но когда она ликвидировала свои дела в Англии и приехала сюда, ты решил прикончить ее и заграбастать все состояние. Ты знал, что она сирота и у нее нет близких родственников, которые могли бы расстроить твои планы. Кроме того, тебе было известно, что в Америке вряд ли кто-то докажет, что ты не Эшкрафт.

— А где, по-твоему, был Эшкрафт, когда я тратил его деньги?

— В могиле.

Мои слова явно произвели на него впечатление, хотя он этого и не показал. Несмотря на деланную улыбку, видно было, что его мозг напряженно работает.

— Возможно, ты и прав, — процедил он сквозь зубы. — Но я все-таки не возьму в толк, каким образом ты собираешься отправить меня на виселицу? Ты сумеешь доказать, что Лэйла знала, что я не Эшкрафт?

Или что ей было известно, почему миссис Эшкрафт высылает мне деньги? Может, ты сумеешь

доказать, что она знала о моих проделках? Думаю, ничего у тебя не выйдет.

— Может, тебе и удастся выйти сухим из воды — признался я. — У присяжных случаются промашки, и не скрою, я был бы счастлив побольше узнать об этих убийствах. Ты можешь сказать, как тебе удалось влезть в шкуру Эшкрафта?

Он надул щеки, затем пожал плечами:

— Могу. Это не будет иметь особого значения. Раз уж мне светит тюряга за присвоение чужого имени, рассказ о мелкой краже — ерунда. — Он немного помолчал, потом продолжил: — Я специализируюсь на гостиничных кражах. Я приехал в Штаты, когда в Англии мне стали наступать на пятки. Однажды ночью в одном из отелей Сиэтла я проник в номер на четвертом этаже. Не успел я закрыть за собой дверь, как послышался звук вставляемого в замок ключа. В комнате было темно хоть глаз выколи. Я на мгновение включил фонарик, увидел шкаф и спрятался в нем.

По счастливому стечению обстоятельств шкаф оказался пуст, поэтому обитателю номера нечего было там искать. Это был мужчина. Он включил свет и начал расхаживать по комнате. И ходил таким манером битых три часа — туда и обратно, туда и обратно. А я стоял за дверцей шкафа с пи-

столетом в руке — на случай, если ему вздумается открыть шкаф. Потом он сел, и я услышал, как он заскрипел пером по бумаге. Поскрипев минут десять, он снова начал расхаживать взад-вперед, но на этот раз недолго. Я услышал, как щелкнули замки чемодана, а затем раздался выстрел.

Я выскочил из своего убежища. Он лежал на полу с дыркой в виске. Нечего сказать, хорошенькое дельце! Вот вляпался, так вляпался! Из коридора донеслись встревоженные голоса. Я переступил через мертвеца и взял письмо, которое он написал. Оно было адресовано миссис Норман Эшкрафт, проживавшей на Уайн-стрит Бристоле, в Англии.

Я вскрыл конверт. Он написал, что собирается покончить с собой, и подписался: Норман Я немного успокоился. Меня не могли обвинить в убийстве.

Но как бы там, ни было, я находился в его номере с фонарем, отмычками и пистолетом, не говоря уже о пригоршне бижутерии, которую я стянул в соседнем номере. В дверь постучали. «Вызовите полицию!» — крикнул я, пытаясь выиграть время. И принялся за человека впутавшего меня в это дело. Я узнал бы в нем соотечественника, даже если бы не видел адреса на конверте. Я

воспользовался единственным шансом, который у меня был. Его плащ и шляпа лежали на стуле, куда он их бросил. Я надел их и швырнул свою шляпу на пол, рядом с телом. Затем переложил все из своих карманов в его, а из его в свои. Потом поменял пистолеты и открыл дверь.

Я рассчитывал на то, что те, кто войдет, не знают его в лицо или знают недостаточно хорошо, чтобы сразу понять, что это не он. Это давало мне несколько секунд, необходимых для того, чтобы исчезнуть. Но открыв дверь, я обнаружил, что мой план не сработал; в коридоре я натолкнулся на гостиничного детектива и полицейского и решил, что все кончено. Однако я разыграл роль до конца, заявив, что вошел в свой номер и увидел рывшегося в моих вещах типа. Я бросился на него и застрелил в момент борьбы.

Минуты тянулись, как часы, но никто так и не уличил меня. Все называли меня мистером Эшкрафтом. Моя мистификация удалась. Поначалу меня это удивило, но, узнав об Эшкрафте побольше, я перестал удивляться. Он остановился в этой гостинице всего несколько часов назад, и его видели только в шляпе и плаще, которые были теперь на мне. Мы были одного роста и одного типа — светловолосые англичане.

Довелось удивиться еще раз: осмотрев одежду покойного, детектив обнаружил, что все фирменные ярлыки с нее срезаны.

Позднее я прочитал его дневник нашел в нем объяснение этого факта. Эшкрафт не знал, на что решиться — покончить с собой или сменить фамилию и начать новую жизнь. Раздумывая об этом, он срезал все ярлыки. Но тогда я этого не знал, только дивился, какие происходят чудеса.

После этого мне пришлось некоторое время сидеть тихо, но, изучив вещи покойного, я узнал его как свои пять пальцев. У него оказалась масса всяких бумажек и дневник, куда он записывал все, что делал и о чем думал. Первую ночь я провел, изучая его дневник, запоминая прочитанное и упражняясь в подделывании его подписи. Среди вещей, которые я обнаружил в его карманах, был чек на полторы тысячи долларов.

В Сиэтле я оставался еще три дня, выступая в роли Нормана Эшкрафта. Я наткнулся на золотую жилу и не собирался ее бросать. Письмо, которое он написал жене, в случае чего могло защитить меня от обвинения в убийстве, а кроме того, я понимал, что безопаснее вести игру до конца, чем взять ноги в руки. Когда шум вокруг этого дела поутих, я собрал манатки и уехал в Сан-

Франциско, где называл себя своим настоящим именем — Эд Бохэннон. Но я сохранил все вещи англичанина, потому что мне стало известно, что его жена богата. Мне пришло в голову, что я могу получить часть ее состояния, если разыграю свою партию как следует. Она сама облегчила мне задачу. Как-то, просматривая газету, я наткнулся на ее объявление, ответил на него… ну и пошло-поехало.

— Это ты послал убийцу к миссис Эшкрафт?

Он отрицательно мотнул головой.

— Мне очень жаль, Эд, но я вынужден буду отправить тебя на виселицу, — сказал я.

— Ты, кажется, спятил.

— Ты думаешь о том деле в Сан-Франциско, Эд, а я имею в виду Сиэтл. Тебя, гостиничного вора, застигли в номере вместе с человеком с пулей в виске.

Какой, по-твоему, приговор вынесут присяжные?

Он прыснул со смеха. Но внезапно его смех замер на губах.

— Когда ты начал осуществлять свой план, приказав убить миссис Эшкрафт, чтобы овладеть ее состояние, первое, что ты сделал, — уничтожил письмо самоубийцы. Потому что существовал

риск, что кто-нибудь обнаружит это письмо и вся твоя игра полетит к черту, — сказал я. — Я не могу арестовать тебя за убийства, которые ты спланировал в Сан-Франциско. Но могу навестить на тебя убийство в Сиэтле, которого ты не совершал. Так что справедливость восторжествует. Ты поедешь в Сиэтл, Эд, и тебя вздернут за убийство Эшкрафта.

Так оно и случилось.

Крутой детектив США. Выпуск 16: Сборник Романы:

Пер. с англ. Р. Попеля, А. Иванова — СПб.: МП РИЦ «Культ-информ-пресс», 1996. - 256 с. — (Выпуск 16).

ISBN 5-8392-0122-7